

УДК: 821.161.1

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Еремеев А.Э.

НОУ ВПО «Омский гуманитарный институт, Омск

Философская проза предполагает концентрированное выражение смысла происходящего, совершающегося в процессе его добывания. Произведения философской прозы построены на главенстве нравственного и философского тезиса, ясного автору, а повествование подчинено логике его раскрытия. Нравственное постижение бытия становится ценностным центром философской прозы и определяет ее жанрово-стилевую структуру. Философская проза воссоздает процесс мышления в нравственной целостности мыслящего человека, которая не может сводиться ни к каким чисто логическим выводам и итогам этого мыслительного процесса.

Философская проза и поэзия в последние десятилетия привлекают к себе все больший как читательский и общекультурный, так и литературоведческий интерес. Вместе с тем генезис философской художественной прозы – одна из наименее разработанных областей теории литературы.

Проблемы теоретического и историко-литературного осмысления философского пласта в русской классической и современной литературе все более привлекают внимание исследователей. Таким образом, вопрос об истоках философской прозы чрезвычайно значим. Изучение его в неразрывности теоретического и историко-литературного аспектов позволяет обогатить представление о процессе формирования философского потенциала, а также наметить перспективы исследования преемственных связей в творчестве современных писателей.

Многие произведения литературы прошлого и современности характеризуются сегодня как философские. Нестрогое, а подчас и просто бессодержательное употребление этого термина серьезно затрудняет изучение той пограничной между философским научным познанием и преобразовательной деятельностью области творчества, которую можно назвать *философским искусством*. Казалось бы, оно возникает на границе философского познания и собственно художественного творчества, однако философия и искусство являются специфическими способами отражения бытия. С одной стороны, философия и искусство как явления духовной культуры оперируют фактами, образами эмпирической реальности, причем и в той и в другой области *факт* возводится в *смысл*, приобщаясь к единству целого, включаясь в систему особых связей. С другой стороны, философия и искусство имеют прямой выход в общественную практику. Раз-

гадку философского искусства как гибридного образования и изучение его связей с собственно искусством надо искать не в продукте его, а в характере и содержании *деятельности*, создающей произведения философского искусства.

Кроме очевидного наличия определенной меры философичности (стремления выразить с помощью понятийного обобщения смысл явления, свойственный любому искусству), литература обладает еще и специфической интеллектуальностью, понятийностью слова как материала этого вида искусства. Несмотря на то что в собственно литературе, по словам М.М. Бахтина, «художественное творчество, определяемое по отношению к материалу, есть его преодоление»¹, внутренне присущая слову обобщенность и понятийность, которую можно условно назвать первичной философичностью, присутствует в составе искусства слова и преодолевается. В зависимости от характера художественного мышления, задачи, цели, направленности творческой индивидуальности, писатели извлекают своеобразный эффект из этого свойства слова. «Отвлечение лежит в самой природе логического языка. В каждой своей точке он старается уйти от личного материала, покинуть индивидуальность и устремиться к общему как таковому».² Под философичностью мы будем понимать это стремление к общему через индивидуальное, что в свою очередь порождает качественно нового героя.

Диалектика общего и индивидуального в философской прозе потребовала не «количественного» сокращения индивидуального начала до минимума, она выдвинула на первое место

¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. – С.46

² Палиевский П.В. Внутренняя структура образа // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. М., 1962. Кн. 1.9. – С.89.

качественно новое ее своеобразие, так как философская проза связана с особым качеством духовной индивидуализации. Стремление к общему при всей своей «прямоте» обрело определенную плотность, т.е. оставалось художественным, а не публицистическим произведением, образом мысли.

Таким образом, мы выявили два различных источника философичности литературы. Причина одного из них – синтетический характер художественной деятельности вообще, соединяющей духовное и практическое, сознание и бытие. Причина второго – интеллектуально-логическое начало в слове как материале литературы. Двух этих моментов уже было бы достаточно, чтобы существовали разные индивидуальные модификации философской литературы, не говоря уже о проникновении философской проблематики в литературу разных эпох.

Однако и в самом способе художественного освоения действительности в литературе есть сфера, отражающая взаимодействие познавательного (философского) и этического моментов. Она связана с понятием художественного содержания литературного произведения. Бахтин так определил понятие художественного содержания: «Действительность познания и этического поступка, входящую в своей опознанности и оцененности в эстетический объект и подвергающуюся здесь конкретному интуитивному объединению, индивидуации, конкретизации, изоляции и завершению, т.е. всестороннему художественному оформлению с помощью определенного материала, мы... называем содержанием художественного произведения».³

Этическому моменту принадлежит примат в содержании. Все *познанное* должно быть соотносено с миром свершения человеческого поступка. «Этическим моментом содержания художественное творчество... овладевает непосредственно путем сопереживания или вчувствования и соощенки...»

Момент познавательного узнания сопровождается повсюду деятельностью художественного творчества и созерцания, но в большинстве случаев он совершенно неотделим от этического момента и не может быть выражен адекватным суждением».⁴ Даже не будучи выделен, философско-познавательный момент в произведении может способствовать серьезным открытиям в постижении сущности явлений: «Эта внутренняя освещенность эстетического объекта в области словесного творчества от степени узнания может подняться до степени определенного познания и глубоких постижений, которые могут быть вы-

делены эстетическим анализом».⁵ Важно не просто выделение в составе художественного содержания познавательного (философского) и этического моментов, но указание на то, что способ их связи в художественном содержании может быть различен.

Для решения вопроса о специфике философской прозы мы прежде всего должны определить характер связи этического и познавательного моментов в составе художественного содержания. Выделив в пределах возможного и нужного теоретический момент содержания в его чисто познавательной весомости, анализ произведения должен помочь выявить особый тип связи его с этическим моментом, роль и значение философского момента в единстве содержания.

Итак, философская проза – это прежде всего художественная проза, если понимать под художественностью «внутреннее качество эстетических феноменов, отличных от других явлений жизни и культурного творчества»⁶, причем качество это носит характер органического единства, подобного биологическому творчеству жизни.

Эпитет *философская* указывает не только на присутствие в составе художественного содержания особо выделенного теоретического философского начала, но, главным образом, на особый характер связи познавательного момента с этическим, на особый способ художественного оформления, *синтеза подобных начал*. Различный удельный вес философского начала, различные типы связей синтезируемых стихий в составе подобной прозы, различная направленность авторского сознания и особые способы его воплощения – все это должно помочь выделить типы философской прозы.

Формы гибридных явлений разнообразны и отражают специфику национального художественного сознания. Именно для русской культуры XIX века философский пафос был чертой, определяющей ее своеобразие. Поэтому вопрос о философском начале как в русской культуре в целом, так и в художественной прозе является одним из актуальнейших.

Можно сказать, что для русской литературы первой трети XIX в. характерна как трансформация традиций немецкой и французской философской прозы, так и философичность, имманентная характеру русского художественного сознания. Причем сплав их настолько органичен, что трудно разделить эти две тенденции в развитии литературы.

В. Кожин, характеризуя два близких и в то же время различных типа европейской культуры

³ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. – С. 32

⁴ Бахтин М.М. Там же. – С. 37,38.

⁵ Бахтин М.М. Там же. – С. 39.

⁶ Роднянская И.В. Художественность // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. 10. Стб. 339.

XIX века, в каждой из которых особо актуально философское начало, отметил: «Немецкое искусство можно было бы назвать «художественной философией» - в то время как русское искусство уместнее определить словосочетанием «*философское искусство*».⁷ Это определение указывает на важнейшую черту русской литературы, а именно: все входящие в состав произведения стихии синтезируются именно на собственно художественной основе. Эстетический, приемлющий все, характер подобного объединения составляет своеобразие русской философской литературы. Все внутренние смысловые, формообразующие связи носят в ней художественный, а не логический характер. Иными словами, подлинная философичность русской литературы воплощается не только в идеях, проблемах, высказываниях героев, а в специфике художественной формы, своеобразии жанра, сюжета, повествования.

Чрезвычайно важным представляется тот факт, что русская философская поэзия, опираясь на уходящие в глубь веков традиции, достигла расцвета в эпоху создания ее классического стиля.

Активизация философских тенденций в прозе приходится на эпоху ее становления, формирования. Во второй четверти XIX века в русской литературе складываются основные типы прозы. Неудивительно, что наряду с формами дидактико-аллегорического повествования существуют разновидности философской публицистики, эстетики, критики, а также собственно художественная проза с акцентированным в ней философским началом на основе анекдота, мифа, сентенции и прочих устных жанров. Различный жанровый генезис многое определяет в русской философской прозе. Так, существуют образцы откровенно экспериментальной прозы, в которой философское начало искусственно привнесено и производит впечатление нерастворенной логической конструкции в художественной ткани произведения, или образной иллюстрации, примера к какому-нибудь авторскому тезису.

В других типах прозы сгущенный аллегоризм, иносказательность и метафоричность обнаруживают связь со стилем скорее поэзии, а не прозы, тогда появляются написанные ритмической прозой лирико-философские миниатюры, приближающиеся к жанрам апологов, стихотворений в прозе, фантазий.

В основе жанрового генезиса философской прозы лежат различные стереотипы устных жанров, а именно: исторический анекдот, пародия,

притча, аллегория, бытовой анекдот, лирическая фантазия-миниатюра, быль, проповедь и т.д.

Объединяющей чертой всех типов философской прозы служит рефлексивный характер авторского сознания (или сознания повествующего субъекта), такое сознание характеризуется пристальным вниманием не только к объекту воссоздания, но и к самому процессу мышления о нем.

Проблема отношения авторской мысли к объекту становится и предметом, и средством литературного изображения, внутренним формообразующим принципом. Автора в философской прозе интересуют сами закономерности познания, мышления. В прозе этого рода очень сильна дидактико-проповедническая тенденция. Задача автора – внедрить в сознание читателя принципы нравственного освоения бытия, истинного познания; осуществляется это самыми разнообразными средствами. Направленность авторского сознания определяет специфику философской прозы. Здесь можно говорить об особом предмете исследования в философской прозе.

Философская проза предполагает не столько опосредованное картинными, изображением явлений воплощение саморазвития жизни, как в чисто художественной прозе, а, скорее, прямое, концентрированное выражение смысла происходящего, совершающегося в процессе его добывания. Причем способы мышления о мире, пути, по которым движется мысль, становятся особым предметом философской прозы. Часто произведения философской прозы построены на главенстве нравственного и философского тезиса, ясно-го автору, а повествование подчинено логике его раскрытия. В подобных произведениях мысль подчиняет себе развертывание художественной образности, вернее, является своеобразной доминантой, организующей внутреннюю структуру художественного образа. Необходимо помнить, что главенство понятийной мысли в составе художественного образа есть лишь тенденция, своеобразный смысловой полюс, который на практике никогда не достигим. Словом, философская образность проявляет себя на основе концентрации, укрупнения общего смысла явлений, а также за счет увеличения удельного веса главного героя (героев), сознания повествующего субъекта. В его биографию входят решительно все значительные события, совершающиеся в рамках того социального целого, членом которого он является. Направленность авторского сознания в произведениях философской прозы всегда отчетливо дедуктивна, общий смысл зачастую задан и только уточняется, доказывается, конкретизируется в процессе развертывания художественного образа.

⁷ Кожин В.В. Немецкая классическая эстетика и русская литература // Традиция в истории культуры. М., 1978. – С.193

Эта тенденция предполагает рассмотрение основных типов русской философской прозы первой половины XIX века, ведущих к формированию философичности как особого качества художественного образа.

Если ранее речь шла о довольно широкой области «философского искусства слова» в целом, то теперь настало время конкретизировать термин *философская проза* указанием на его прозаическое качество. Вопрос о формировании русской философской прозы связан не столько с определением ее границ, сколько с выявлением ведущей тенденции развития. Понять, что такое философская проза, можно только обосновав это явление в его взаимоопределении и взаимодействии с другими областями философской литературы, в его собственном единстве и в единстве исторического процесса становления русской литературы 30-х годов XIX в. и последующем ее развитии вплоть до настоящего времени.

Философичность прозы создается не за счет выявления внутренних философских возможностей слова, а благодаря созданию вторичной философичности, особой направленности авторской активности. Философский ракурс видения в прозе осуществляется благодаря тому, что речь как непосредственная действительность создания выступает не только как средство изображения, но и как *предмет изображения*. Изображающее и изображенное слово вступают в очень сложные отношения. В прозе огромное значение приобретают формы речи, принципы ведения рассказа. Характерной чертой является невиданный рост творческой активности автора, нескованной стилистическим и жанровым каноном. Критерием отбора слов и принципа их соединения в прозе оказывается смысловая направленность авторской активности.

Прозаическое слово строится на более сложной основе, чем поэтическое. Это простота и лаконичность, требующие большого искусства и несущие в себе глубокий эстетический смысл. В ритме прозы объективируется ход бытия и сознания. Прозаик стремится преодолеть обобщенность слова, заставить его выражать предельно узкое, особенное значение. Слово в прозе более индивидуально, чем в простом разговоре, за счет этого достигается его точность.

Ярче и последовательнее всего возросшая роль авторской активности проявилась в художественном вымысле. Если в собственно художественной прозе вымысел создает новые факты, явления, то в философской прозе – способствует новому способу видения и мышления. Сфера философской прозы – мир человеческого сознания, вымысел создает здесь необычный ракурс

изображения, новизну авторской позиции, ее особую динамичность.

Главное в философской прозе не в том, что «глубокие художественные идеи обнажены выходят на поверхность»⁸, а в том, что точкой отсчета в ней становится процесс мышления, сознания. Важна не идея сама по себе, а проследование разнообразных ходов сознания, их объяснение и осмысление, а иначе говоря, процесс, мысль о мысли, конкретные же картины, явления, жизненные ситуации в подобном произведении обретают удвоенную ценность и призваны объяснить, подтвердить ход мышления автора или героя, направленный на постижение философии жизни.

То, что в художественной эпической прозе являлось основным, здесь, включенное в новые связи, становится опосредованным фактором в цепи поисков героем доказательств, размышлений о сущности явления. Конечной целью философской прозы является не производство и пропаганда идей, изречение суждений, сентенций, афоризмов, как это утверждает В. Кожин. Афоризмы и сентенции являются мощными катализаторами для сознания, выступают средством художественно-философского обобщения, укрупнения масштаба изображения – осмысления. Однако цель философской прозы – художественное осознание закономерностей и случайностей процесса сознания, мышления, а не изображение идей.

Философская проза, как и всякое искусство, берет человечески значимый путь мышления, «идею, ставшую страстью». Для нее в самом ходе сознания проявляется целостное состояние мира, ее интересуют те моменты мышления, в которых проявляется родовое человеческое начало, его всеобщий смысл.

Философская проза – это тоже целостное освоение мира; но призмой, через которую смотрит на мир художник, выступает не факт, не явление, а *динамика общественного сознания*, воссозданная в ее индивидуальных противоречивых формах. Повествование в философской прозе не является «прямым воплощением художественных мыслей» автора⁹, потому что такое самовыражение было бы аналогично отвлеченному созерцанию абстрактного мышления. Философская проза представляет собой явление искусства, а следовательно, соединяет в себе познание и действие. Автор философской прозы не столько формирует свои мысли о мире, сколько выявляет общее состояние действительности, исследуя динамику общественного сознания.

⁸ Кожин В.В. Происхождение романа. М., 1963. – С.408.

⁹ Кожин В.В. Происхождение романа. М., 1963. – С.408.

Итак, эстетическое кредо философской прозы заключается не в художественности раскрытия общефилософских положений и тем более не в иллюстрировании философских тезисов. Философская проза рождается как единственно возможная форма открытия и воплощения глубин общечеловеческого, универсального содержания. Трагический разрыв между общесоциальными и индивидуально-личностными ценностями в прозе подобного типа преодолевается утверждением нравственных ценностей в соотнесенности человеческого сознания с мировым порядком и мировой гармонией. Именно этот универсально-общечеловеческий план становится ценностным центром философской прозы и определяет ее жанрово-стилевую структуру. Наиболее существенным достижением эстетики философской прозы явилась установка этого типа прозы на воссоздание *процесса* мышления и целостности мыслящего человека, которая, конечно, не сводима ни к каким чисто логическим выводам и итогам этого размышления.

Таким образом, не претендуя на исчерпывающее осмысление теоретического аспекта фи-

лософской прозы и окончательные выводы, мы попытались, опираясь на достижения современного литературоведения, дать определенное осмысление этой актуальной на сегодняшний день проблемы, осознавая, что она не только представляет историко-литературный интерес, но и требует дальнейшего теоретического осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975.
2. Кожин В.В. Немецкая классическая эстетика и русская литература //Традиция в истории культуры. - М., 1978.
3. Кожин В.В. Происхождение романа. - М., 1963. – С.408.
4. Палиевский П.В. Внутренняя структура образа //Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. - М., 1962.
5. Роднянская И.В. Художественность //Краткая литературная энциклопедия. - М., 1975.

PHILOSOPHICAL PROSE AS A PHENOMENON OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE

Eremeev A.E.

Philosophic prose is supposed to express in concentrated form the sense of ongoing that is happening in the process of its getting. The works of philosophical prose are built on the primacy of moral and philosophical thesis, which is clear for the author, and the narration is governed by the logic of its development. Moral attainment of being becomes the value center of philosophical prose and determines its genre-stylistic structure. Philosophical prose reconstructs intellectual process of a thinking person in its moral integrity that can't be come down to any logical conclusions and results of this intellectual process.